

З.В. Вальтер (Москва, Россия)

Лексико-семантическое поле «власть» в церковнославянских переводах с польского языка XVI–XVII вв. К проблеме адаптирующего перевода

Аннотация: Период XVI–XVII вв. ознаменован возрастающим интересом к западной культуре, следствием стало распространение в Московский Руси количества русско-польских переводов как светского, так и дидактического содержания. Данная статья представляет результаты работы, посвященной некоторым особенностям переводческой техники церковнославянских текстов разного жанра. В качестве объекта изучения было выбрано лексико-семантическое поле «власть», представленное во взаимодействии с другими полями, которое включает следующие ряды лексем: название правителей, чинов разного ранга, царских регалий, а также конструкции с абстрактными именами. Результаты исследования показали, что русские книжники меняли стратегии перевода в зависимости от содержания текста-источника. Нами были выделены следующие принципы: 1) адаптация лексем, связанных с польскими реалиями, 2) замена немаркированных польских единиц на маркированные, 3) прямое заимствование тюркизмов и другой не польской лексики, 4) формирование конструкций с абстрактными существительными.

Ключевые слова: история русского литературного языка, адаптирующий перевод, маркированная лексика

Z.V. Valter (Moscow, Russia)

Lexico-semantic Field “power” in Church Slavonic Translations from Polish 16th–17th cs. To the Problem of Adaptive Translation

Abstract: The period of the 16th–17th centuries marked by a growing interest in Western culture, the result was the spread in Muscovite Russia of the number of Russian-Polish translations of both secular and didactic content. This article presents the results of a work devoted to some features of the translation technique of Church Slavonic texts of various genres. As an object of study, the lexical-semantic field “power”, presented in interaction with other fields was chosen, which includes the following series of lexemes: the names of rulers, ranks of different grades, royal regalia, as well as constructions with abstract names. The results of the study showed that Russian scribes changed their translation strategies depending on the content of the source text. We have identified the following principles: 1) adaptation of lexemes related to Polish realities, 2) replacement

of unmarked Polish units with marked ones, 3) direct borrowing of Turkisms and other non-Polish vocabulary, 4) formation of constructions with abstract nouns.

Key words: history of the Russian literary language, adaptive translation, marked vocabulary

В период XVI–XVII вв. возрастает количество переводов с польского языка. Влияние Юго-Западной Руси изменило со второй половины XVII в. не только жанровый состав переводимых произведений [Бахтурина 1982: 83], но и саму технику перевода. Светские повести, главы из хронографов, некоторые религиозно-назидательные произведения, отражавшие порой еще незнакомые обычному читателю культурные реалии, требовали иного переводческого подхода.

Наше исследование посвящено анализу лексического состава пяти текстов в лексико-семантическом поле «власть». Каждый перевод уникален по своему содержанию – отражает специфические реалии христианской (католической и православной), исламской и языческой культур. Тесная связь с религиозным семантическим полем ярко представлена во всех текстах.

«Сказание о смерти некоего мистра философа» (СМФ) является одним из первых стихотворных переложений с польского (ок. 40-х XVI в.) [Małek 2015: 491], переводчик убирает из текста полностью весь сатирический элемент, связанный со школьной тематикой [Дмитриева 1963], оставляя только дидактическое начало. В XVI в. средневековая мысль о «душеполезности» любого произведения [Панченко 1999: 70] все еще бытовала в сознании русского человека, что и стало причиной сокращения и переработки текста-источника. Более того, согласно [Дмитриева 1963], церковнославянский (ц.-сл.) перевод включал в себя элементы иосифлянского учения.

Следующие тексты: «О златом руне волшебного овна» (ЗР), «О Сивиллах» (СВ), являющиеся фрагментами хронографа М. Бельского «Kronika to jest historia świata» и содержащие информацию о языческой (дохристианской) культуре, – были переведены во второй половине XVII в. [Бахтурина 1982: 76].

К светским повестям конца XVII в. относятся: «Повесть об астрологе Мустаеддыне» (ПМ) и «Повесть о Купце» (ПК). При этом первая из них (ПМ) является откликом на реальное историческое событие конца XVI в. – объединение христианских государств во главе с Ватиканом против Турции [Małek 2015: 492]. Тематика переводного произведения подразумевала противопоставление христианской и исламской культуры. ПК, являющаяся переложением одной из новелл «Декамерона», была включена в известный сборник «Фацеций» и отражала исламские культурные реалии, однако, в отличие от ПМ, не имела столь ярко выраженного антагонизма в отношении иной культурой.

Перечисленные произведения, включающие незнакомые или непривычные русской культуре реалии, как правило, нуждались в пояснении. Этим, как правило, были обусловлены основные переводческие техники. И книжнику было важно оставить те элементы, которые передавали бы специфику представленной в тексте-источнике культуры. На основании этих положений выделялись следующие особенности переводов: 1) специфические группы лексем передавались в соответствии с польским источником, 2) нейтральные лексемы в некоторых случаях заменялись на маркированные, 3) лексемы, отражавшие польские реалии, передавались русскими.

Группа лексем, связанная с обозначением правителей государства, обнаруживает вариативность в зависимости от тематики польского текста. В (1) примере отражен контекст «Сказания о смерти некоего мистра философа», в котором лексема *król* заменяется маркированной для русского языка лексемой *король*, обозначающей прежде всего европейского правителя [СлРЯз XI–XVII вв., 7: 338–339]. Название атрибута власти *korona* преобразуется в лексему *венец*, которая, исходя из употребления в старорусском корпусе, чаще используется в религиозном семантическом поле христианства: *На престоль царьстѣмь седя, царскую багрянницу венецънося, а во мнишьский образ по вся дни и часы облещися желая* [НКРЯ, ст.-рус., XV в.]. Таким образом, приведенный способ перевода можно считать смешанным: одна лексема отражает европейские, а вторая русские реалии. В переводе «О Златом руне волшебного овна» (2–4) книжник употребляет лексемы одной основы: *царь*, *царевна* и *царица*, при этом в ц.-сл. тексте возрастает количество аппозитивных конструкций, таких как *Диомидис царь*. Между лексемами *царица* и *царевна* происходит семантическая дифференциация: титулом *царица*, как правило, обладают замужние, а *царевной* названы незамужние представительницы власти. Данное семантическое распределение подтверждается контекстами из национального корпуса:

его бодроопаснымъ тщаніемъ, наша **царица** и великая княгиня Марья Ильична, и сынъ нашъ благовѣрный царевичъ [НКРЯ, ср.-рус., XVII в.];

Анна же **царевна** не хотяше ити за поганого: «Мя даете за руского князя, лутче бы ми умрети» [НКРЯ, ст.-рус., XVII в.].

(1) СМФ Аз и с короля венець сойму, и за власы под косу преклоню	Ja z króla koronę semknę, Za włosy ji pod kosę wemknę [Дмитриева 1964: 200; SSSN: 319]
(2) ЗР Аще бы не стоял у караблей крепко Диомидис царь	gdzie by był nie Diomedes [Bielski: 146; TC: 59]
(3) ЗР царствовал на востоце Атанас царь , имел царицу Нефилию	Atanas król , który na wschód słońca panował, miał żonę Nephelę [Bielski: 139; TC: 53v]
(4) ЗР Азон по научению Медиину волов и змия убил, а златое руно взял, и царевну Медию возхитил	iż straż pobił, złote runo wziął, miasto ze wszystkim skarby wybrał, i zjechał precz wziawszy Medeę [Bielski: 139; TC: 53 v]

В главе «О Сивиллах» некоторые лексемы функционируют в качестве промежуточных элементов между лексико-семантическим полем «власти» и «религии», христианства. Так, лексема *król*, относящаяся к христианскому Богу, переводится как *царь небесный* или *царь*, приобретая, таким образом, религиозный характер:

Царя небесн(ого) воспитает / ему же принесут дары ← **Króla** w ręku piastowała. Któremu przynoisia dary [460; 133];

И истиний суть и будут те вечные / Иже **царя** знаменуют ← Prawdziwie są będą wieczne / Które **króla** znamionują [460 v; 133 v].

В одном из контекстов лексема одной основы *-król-* мн.ч. *królowie* переосмысливается в соответствии с библейским контекстом и переводится как *волсви* (волхвы): *Триє волсви исполнены веры* ← *Trzej królowie pełni wairy* [460; 133].

При этом иные контексты, связанные со светской тематикой, не демонстрируют вариативного перевода, книжник использует лексемы с идентичной основой, как и в главе «О златом руне волшебного овна», что мы можем видеть в следующем примере:

та принесла пред **Тарквиниуса царя** римскаго ← *Ta była przyszła przed króla Tarquiniusa piątego* [461 v; 133 v];

Та родися <...> во время **Кира царя перскаго** / и при прорцехъ / при Малахии ← *Była za czasu Cyrusa króla Perskiego / i proroka Malahiasza* [461; 134].

Обратим внимание, что переводчик не реагирует на разницу между языческим и исламским правителем, используя одно обозначение титула – *царь*.

В этом же тексте представлен вариативный перевод лексемы *cesarz*, в качестве эквивалентов используются *кѣсарь* и *цесарь*:

(1) токмо за «ΘΙ» лет до рожества Христова при **Яктавианѣ кѣсари** ← *jedno przed Bożym narodzeniem w Rzymie była lat xix / Oktawiana Cesarza* [461; 134 v];

(2) и в техъ в трехъ днехъ вдала на молитву хо Богу да узнает **цесарь** и престане от безумия ← *a w onych trzech dniach pościła / modły czyniła / prosząc Pana Boga aby dał uznanie prawdziwie Cesarzowi* [461; 134 v].

Кѣсарь, в отличие от *цесарь*, имеет единственное узкое значение – титул римского императора «священной Римской империи» [СлРЯз XI–XVII вв., 7: 117], в то время как *цесарь* имеет больший диапазон значений, связанный не только со светской, но и с религиозной семантикой [Срезневский, 6: 1461].

Более яркий характер перевода находим в ПК, где фигурирует в качестве действующего лица мусульманский правитель, обозначившийся в тексте-источнике лексемой *Zoltan* или в составе аппозитивной конструкции *król Zoltan*. В переводе находим эквиваленты обоим лексемам, книжник использует тюркизм *салтан*: *Салтан же повеле Истфану на том торговщици, дав воинов немало* → *Tam Zoldan według dawnego zwyczaju przyjął żołnierze* [Державина 1962: 181; Малэк 2013: 150], а также аппозитивную конструкцию *царь Салтан*, в которой первый компонент *царь* имеет ЛСВ мусульманского правителя [Срезневский, 6: 1433; Панченко 1999: 18]:

И ту Истфан бил челом прилежно **царю салтану** → *Prosił pilnie z wielką pokorą Zoldana* [Державина 1962: 183; Малэк 2013: 152];

Царь же салтан рекл сице → *Król Zoldan rzekł* [Державина 1962: 184; Малэк 2013: 152].

Аппозитивная конструкция, согласно данным [НКРЯ, ст.-рус.], вошла в употребление с середины XVI в. (один из ранних списков – Никоновская летопись 1526–1530: *Того же лѣта Турскій царь Салтанъ, Амуратовъ братъ*).

В ПМ представлена более сложная система правителей: в переводе выделяются мусульманские и христианские правители, последние разделяются по профессиональному признаку (на православных и католиков). Здесь латинизм *cesarz* переводится русским книжником как *салтан*: *Сулейман, салтан турецкой, прадед нынешнему Махомету салтану* → *Sulejman, cesarz turecki, pradziad terażniejszego Muhammeda cesarza* [Малэк 2019: 197; 186]. В тексте-источнике встречаем также тюркизм, созвучный ц.-сл. эквиваленту – *Sultan*, функционирующий в ц.-сл. тексте в составе аппозитивной конструкции: *Сей тогда есть разум духовнаго*

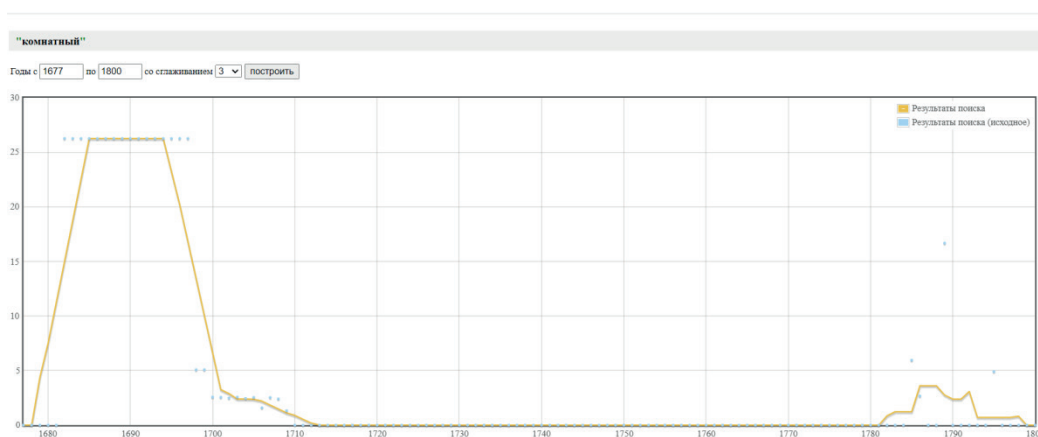
письма *салтан-Сулеймана*, салтана Турского → *Ten tedy sens jest testamentu sultana Sulejmana cesarza* [Малэк 2019: 199; 187].

В переводе также происходит разграничение наименований персидского и турецкого правителя: *возбудил персидцаго шаха* ← *robudził perskiego króla* [Малэк 2019: 200; 188]. Данное обозначение чина было распространено в текстах со второй половины XVII в. в таких словосочетаниях, как *персидский шах* (что доказывает [НКРЯ, ст.-рус. XVII в.]: *и какъ къ намъ пишутъ великіе государи салтанъ турской и шахъ персицкой*). Заметим, что в главе «О Сивиллах» книжник не использует маркированной единицы.

В следующем контексте русский книжник вслед за Держком (автором «Повести о Мустаеддыне») показывает две точки зрения на христианского правителя, который по-разному обозначается в польской (*цесарь* ← *cesarz*) и турецкой (*король* ← *król*) культуре: *а они бы соединились со Виденским королем (так убо цесаря христианскаго называют турки) или с царем Московским* → *a oni się zbracili z wiedeńskim królem – tak cesarza chrześcijańskiego zową Turcy – abo z czarzem moskiewskim* [Малэк 2019: 198; 187]. Более того, в приведенном фрагменте происходит лексическое разграничение между католичеством – Европой (*король*) и православием – Русью (*царь* ← *czarz*).

Группа лексем, связанная с обозначением чинов, по-разному переводится книжниками. Так, в «Повести о Мустаеддыне» адаптации подвергаются только лексемы, связанные с польской культурой. *Szafarz*, имеющий ЛСВ *чиновник*, связанный с деньгами (*szafarz pieniędzy*) [Linde, 5: 506], изменяется на лексему *казначей*, которая приобрела значение *служащего в государственной казне* в Московской Руси XV в. [СлРЯз XVI–XVII вв., 7: 23–24]: *Велел ему салтан дать вся, яже к тому потребна суть, придав ему и казначея* → *Kazał mu dać cesarz wszystkie potrzeby i przydał mu szafarza* [Малэк 2019: 201; 189].

Pokojowy (2) – *cubicularis*, т. е. комнатный, относящийся к спальне, камердинер [Кнарски: 371; Linde, 4: 859], переводится лексемой *комнатный*, т. е. служащий в комнатах, домашний [СлРЯз XI–XVII, 7: 265] распространенной в текстах конца XVII в., что доказывается и статистической справкой [НКРЯ]:

Лексема *odźwierny* в (3) – дворник, придверник [Linde, 3: 478] – переводится как *дверник*, т. е. дворник у ворот, привратник [СлРЯз XVI–XVII вв., 4: 180]. Судя по всему, в приведенном примере происходит упрощение стилистики лексемы *дверник*, которая, исходя из контекстов, использовалась чаще всего в религиозном, книжном регистре.

Иже епископъ, ли попь, ли певецъ, ли **двѣрникъ** жене осщенѣ Богу у примеситися, да извържется (Ефр. Корм., 147. XII в.)
[СлРЯз XI–XVII вв., 4: 180]

Иисус приде в монастырь, яко единъ от убогих сиротъ черноризец, и рече **двернику**, иди и рцы игумену (Изм., 350. XV I в. со XIV–XV вв.)
[СлРЯз XI–XVII вв., 4: 181]

Сего ради и отверзаеть ему **дверникъ** дверь мысленныхъ небесныхъ полатъ (М. Гр. II, 172. XVI–XVI I вв. со XVI в.)
[СлРЯз XI–XVII вв., 4: 181]

Двѣрник же не затвори Монастырских врат. (Кн. жит. 1711, 77)
[СлРЯз XVIII, 6]

Заемствованию подвергаются только тюркские наименования титулов, такие как *basza* (1) (военачальник, или правитель области, в Османской империи), и *delij* (2), последний переводится вместе с комментарием *abo kozak*, или *казак*. При этом особое обозначение титула *muftu* (1), муфтий (мусульманский юрист, богослов, толкователь Корана) [СлРЯз XI–XVII вв., 9: 136] исключается из перевода (на это также обращала внимание [Малэк 2019: 69]), книжник оставляет лишь пояснение к нему: *первоначальнейший духовный*. Данные словаря русского языка XI–XVII вв. показывают, что лексема *муфтий* распространилась с середины XVII в.: *Быти на дворе у везиря или у муфтия* (Нак. Милосол., 31, 1653 г.); *Подаль ту грамоту турсокому муфтию* (Арс. Сух. Проскинитарий, 138, 1653 г.) [СлРЯз XI–VII, 9: 316]

(1) *zezwał swych baszów, także i muftego, to jest naprzędniejszego duchownego* → и призвал к себе **пашей своих, также и первоначальнейшаго духовнаго своего** [Малэк 2019: 192; 206];

(2) *jeden delij abo Kozak zabił okrutnie Mehmet Baszę* → **един дели или казак люто убил Махмет-пашу** [Малэк 2019: 190; 203].

В ЗР лексема *król* функционирует в ЛСВ *полководец*, на изменение семантики реагирует переводчик, употребляя слово *начальник*:

И в то время переменили Агаменона царя **от начальничества**, а выбрали на его место Паламидона **царя над всеми** вой еллинскими **начальника** ← Powtore Palamedes przed wszystkimi powiedział **być królem niegodnym** Agamemnona i nie od wszystkich wybranego. <...> a tak **wybran za króla** Palamedes [ТС: 144; Bielski: 58]

В «Повести о Купце», так же как в ПМ, лексемы, обозначающие польские чины, трансформируются в русские наименования: *и созва бояр и думных своих* ← *I zezwawszy **panów swych radnych*** [Державина 1962: 183; Малэк 2013: 152], здесь употребляется распространенное в XVII в. сочетание *бояре и думные*, ср. [НКРЯ, ст.-рус., XVII в.]: *И царьского величества **бояре и думные** діаки ему говорили*.

В ЗР находим иной перевод, *panowie radni* (т. е. советчики) [Linde, 5: 7] переводятся как *граждане*, т. е. представители городской общины [СлРЯз XI–XVII вв., 4: 117]: *князи же трояньские и все **граждане*** ← *synów i **panów radnych*** [ТС, 142; Bielski, 57].

Адаптирующий принцип перевода [Пентковская 2017] распространяется не только на отдельные лексемы, но и на конструкции с абстрактными именами. В (СМФ) переводчик нивелирует школьное семантическое поле, функционирующее в польском тексте в качестве сатирического элемента, перенося его на сферу «власти»: *каждый в ея **власти** имат быти* ← *Każdy w jej **szkole** być musi* [Дмитри-

ева 1964: 198; SSSN: 315]. В следующем контексте лексема *тос* (власть), заменяется на *царство*, за счет этого создается ярко выраженная символическая метафора *царство погубила: и в том царство мое погубила* ← *Potem jużem wszystko тос straciła* [Дмитриева 1964: 200; SSSN: 320]. Книжник также может употреблять дополняющий принцип перевода, благодаря которому образуется конструкция с абстрактным именем *власть вкушати: и дал ему власть от всех вкушати* ← *To wszystko w jego тос даł* [Дмитриева 1964, 199; SSSN, 318]

Таким образом, переводческая техника текстов разных периодов и жанров имеет общие тенденции. Во-первых, перенос польских реалий на русские; во-вторых, маркирование нейтральных единиц; в-третьих, прямое заимствование специфической лексики, отражающее ту или иную культурную реалию; в-четвертых, образование конструкций с абстрактными именами как один из способов доместикации.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтурина Р.В. К вопросу о ранних церковнославянских переводах с польского // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982. С. 75–92.

Державина О.А. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII в. М., 1962. 191 с.

Малэк Э. Повесть утешная о купце Беняша Будного в Польше и на Руси (между ренессансной новеллой и назидательной повестью). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2013. 272 с.

Malek E. Polsko-rosyjskie kontakty kulturowe w XV–XVIII wieku // Wśród kajów Północy. Kultura Pierwszej Rzeczypospolitej wobec narodów germańskich, słowiańskich, i naddunajskich: mapa spotkań, przestrzenienie dialogu. Warszawa. 2015. S. 478–553

Малэк Э. Легенда об астрологе Мустаеддыне Кшиштофа Держека в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки (исследование и издание текстов). Warszawa, 2019. 267 с.

Национальный корпус русского языка: старорусский корпус [электронный ресурс]

О Сивиллах // РГБ. Собр. Румянцева. №456. Л. 457 об. 460. XVII в.

Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. 520 с.

Пентковская Т.В. «Слово о милости» в церковнославянском переводе второй половины XVII в. и его польский оригинал: передача реалий // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2017. Т. 6. № 2. С. 215–243

Повести о споре жизни и смерти / Исследование и подг. текстов Р.П. Дмитриевой. М.; Ленинград: Наука, 1964. 215 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–.

Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю.С. Сорокин. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991–. Вып. 1–6; СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992–. [Электронный ресурс: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>].

Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о троянской войне по русским рукописям XVI–XVII веков. М.: Наука, 1972. 233 с.

Bielski M. Kronika wszystkiego świata. Kraków, 1564.

Knapiusz G. (Knapski; Gregorius Snapius), Thesaurus polono-latino-graecus seu promptuarium lingua Latinae et Graece [...], F. Caesario, Cracoviae [Kraków], 1621.

Słownik języka polskiego / Przez M. Samuela Bogumiła Linde: W 6 t. Warszawa, 1807–1816.

Studia Staropolskie Series Nova. T. XXXVI (XCIII). Widzenie Polikarpa. Średniowieczne rozmowy człowieka ze śmiercią / Pod red. A. Dądrówki i P. Stępnia. Warszawa, 2014. 359 s.

REFERENCES

- About the Sibyls. RSL. Rumyantsev Collection. No456. P.457. V.460. XVII cent.
- A Story about a Dispute between Life and Death / Research and development texts by R.P. Dmitrieva. Moscow; Leningrad. Nauka Publ. 1964. 215 p.
- Bakhturina R.V. On the Issue of Early Church Slavonic Translations from Polish. In: History of the Russian Language. Studies and Texts. 1982, pp. 75–92.
- Bielski M. (1564) Kronika Wszytkiego Świata. Kraków.
- Deržavina O.A. (1962) Translated Novel in Russian Literature 17th century. Moscow. Acad. Sciences of the USSR Press. 191 p.
- Dictionary of the Russian Language of the XI–XVII centuries. Moscow. Nauka Publ. 1975–.
- Dictionary of the Russian Language of the XVIII century. Academy of Sciences of the USSR. In-t rus. lang.; Ch. editor: Yu.S. Sorokin. Science. Leningrad. department, 1984–1991–. Vol. 1–6; St. Petersburg. Nauka Publ. 1992–. [Electronic Resource: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>].
- Malek E.A. (2013) Comforting Tale about the Merchant Benyash Budny in Poland and Russia (between the Renaissance novel and the edifying agenda). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego Press. 272 p.
- Małek E. Polsko-Rosyjskie Kontakty Kulturowe w XV–XVIII wieku. In: Wśród kajów Północy. Kultura Pierwszej Rzeczypospolitej wobec narodów germańskich, słowiańskich, i naddunajskich: mapa spotkań, przestrzenienie dialogu. Warszawa. 2015, pp. 478–553
- Małek E. (2019) The Legend about the Astrologer Mustaeddyn by Krzysztof Dzierzek in Old Russian translation and its later processing (research and publication of texts). Warszawa. 267 p.
- National Corpus of the Russian Language: Old Russian Corpus [Electronic Resource]
- Panchenko A.M. (1999) Russian History and Culture. Works of different years. St. Petersburg. Yuna Publ. 520 p.
- Pentkovskaya T.V. “The Word of Mercy” in the Church Slavonic Translation of the Second Half of the 17th c. and Its Polish Original: Transmission of Realities. *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. 2017. Vol. 6. No 2, pp. 215–243.
- Słownik języka polskiego / Przez M. Samuela Bogumiła Linde: In 6 vols. Warszawa. 1807–1816.
- Studia Staropolskie Series Nova. T. XXXVI (XCIII). Widzenie Polikarpa. Średniowieczne rozmowy człowieka ze śmiercią / Pod red. A. Dądrówki i P. Stępnia. Warszawa. 2014. 359 p.
- Trojan Tales. Medieval Chivalric Novels about the Trojan War based on Russian Manuscripts of the 16th–17th centuries. Moscow. Nauka Publ. 1972. 233 p.

Сведения об авторах:

Зоя Варфоломеевна Вальтер,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В.Ломоносова

Zoya V. Walter,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
zoya.walther@gmail.com